

Подсекция «История политических и правовых учений»

РИТОРИКА И ПРАВО

Мусаева Саида Рашидхановна

*Студентка Северо-Кавказского Филиала Российской Правовой Академии Министерства
Юстиции Российской Федерации
Saida_musaeva@mail.ru*

Сегодня в период становления представительной демократии, гласного процесса, суда присяжных важное значение приобрела риторика.

Традиции древности прослеживали связь риторики с юриспруденцией.

В дальнейшем, после падения римской империи, риторика переживала период упадка вследствие того, что долгое время не развивалась правовая система и, следовательно, не было необходимости в риторике как в прикладной науке.

После периода средневекового застоя риторика рассматривалась как прикладная наука к юриспруденции и не имела самостоятельного применения.

На современном этапе развития кардинально изменилось понимание этой науки и её значение в правоустанавливающей и правоприменительной деятельности.

Сегодня риторика все больше привлекает философов и теоретиков права, постепенно занимая в научных исследованиях юристов то место, которое ей некогда отводилось в античности.

В средние века юристам прежде чем приступить к изучению специальности, должны были изучить семь свободных искусств (*artium liberalium*), в число которых входила риторика и, соответственно, топка. Интересен и тот факт, что первая в Европе школа права – юридический университет в Болонье, открывшийся около 1100 года — образовался после почти двухсотлетнего существования в Болонье школы свободных искусств. Об исторической связи риторики и юриспруденции свидетельствует и деятельность средневековых глоссаторов — итальянских юристов, комментировавших и толковавших римское право путем составления заметок (глосс) на полях текстов римских кодексов.

Глоссаторы так же учили методам анализа и обобщения. Глоссаторская школа, обучение в которой длилось 7 лет, давала филологическое образование, которое, как считали глоссаторы, позволяло воспитать в своей среде высокообразованных юристов-ученых. Одним из важнейших элементов подготовки в Болонье были диспуты, предметом рассмотрения в которых был условный правовой спор.

Консилиаторы, или глоссаторы позднего периода не учили правовым теориям или понятиям. Именно поэтому средневековых, точно так же, как и римских, юристов обвиняют в том, что они не предприняли попыток юридической систематизации, основанной на общих понятиях и последовательно проведенных принципах. Теодор Фивег первым встал на их защиту и попытался доказать, что их проблемно-ориентированный, то есть топический, метод рассуждения гораздо лучше отвечал потребностям правовой практики, чем ныне существующий системно-дедуктивный метод. В современном мире, когда законотворчество не поспевает за быстро меняющейся действительностью, юрист оказался не в состоянии адекватно разрешать встающие перед ним правовые конфликты. Он утратил возможность

анализировать и способность привносить в юридическую проблему человеческую рассудительность.

Неслучайно и желание Коула Дурэма напомнить нам этимологию слова «юриспруденция», означающего в переводе с латыни умение судить о праве, рассуждать о правовых проблемах благоразумно, практично, основательно.

Раздел риторики — топика оказала влияние на развитие приемов и способов толкования текстов права. Топика и сегодня может служить средством разрешения противоречий внутри единой системы права, возникающих с течением времени, ибо топы помогают нам «приладить» застывшие тексты права к социальной действительности.

Большое внимание риторической подготовке будущих адвокатов всегда уделяла англо-американская система права. Но сама история развития права, в том числе конституционного, в англо-американской культуре имела своим источником именно этот, топический, подход — в суде, свободном от диктата других ветвей власти, достаточно независимо и творчески трактующем нормы статутов, исходящим в своей интерпретации из принципов естественного права, морали, общественного интереса и т.п., видели главную гарантию от узурпации власти законодательными органами и основу правосудия. [Соболева: 76]

Но независимо от того, является ли риторика самостоятельной или прикладной, независимо от её роли в создании и толковании норм права, ею в совершенстве должен владеть каждый юрист.

Культура речи юриста предполагает также знание норм устных публичных выступлений. В выступлениях прокурора и адвоката на суде отражаются те же факты, что и в процессуальных документах по конкретному делу, поэтому судебные ораторы нередко используют конструкции, уместные лишь в письменной официально-деловой речи. А культура публичной речи — это такое мотивированное использование языкового материала, которое является оптимальным для данной ситуации и содержания речи. Речь должна быть такой, чтобы она привлекала внимание, наилучшим образом содействовала убеждению.

О культуре устной судебной речи следует говорить и потому, что на суде каждое слово не только несет информацию, но и оказывает большое психологическое воздействие.

Недостаточно грамотно составленное обвинительное заключение (которое обязательно оглашается в судебном процессе), а также сухая, неубедительная речь прокурора или адвоката не способствуют выполнению судом его высокой функции. Нарушение юристом языковых норм может вызвать отрицательную реакцию или недоверие со стороны слушателей; пропадает уважение к юристу, появляется неуверенность в его знаниях. [Ивакина: 23]

При рассмотрении дела судом присяжных прокурор играет важную роль при производстве судебного следствия. Специфика данного суда такова, что его состав образуют непрофессионалы. Они, по сути, не способны к тонкому юридическому анализу обстоятельств дела и часто руководствуются эмоциями, а не разумом.

Имеющиеся данные показывают, что в учебных заведениях, где готовят будущих прокуроров, вопросы участия прокурора в суде присяжных занимают все более заметное место в учебном процессе. [Алексеев, Ястребов: 117]

Литература

1. Соболева А.К.(2002) Топическая юриспруденция. М., С. 76.
2. Ивакина Н.Н.(2004) Основы судебного красноречия. М.,С. 23.
3. Алексеев А.И.,(1998) Ястребов В.Б. Профессия – прокурор. М., С. 117.

Анализ политико-правовых идей «Катехизиса революционера» С.Г. Нечаева.

Осипьян Артур Валерьевич

Студент

*Санкт-Петербургский Государственный Университет,
юридический факультет, Санкт-Петербург, Россия*

E-mail: arthurosip@rambler.ru

Более 160 лет назад – в сентябре 1847 г. – родился печально знаменитый русский революционер Сергей Геннадьевич Нечаев. Ф. Волховский писал о нем: «Сам худенький, безбородый, как мальчик, лицо серое, ногти обгрызены, а рот у него сводила судорога. И подумать только что у этакой невзрачности – сила воли гигантская, гипнотическая!» (Лурье, 2001). Безусловно, молодой человек, проживший всего 35 лет, из них почти 10 прошедших в одиночке Алексеевского рavelина Петропавловской крепости, - отрицательный герой. Но в то же время это знаковая фигура российской истории. Его идеи оказали огромное влияние на умы революционно настроенной молодежи. Разгул терроризма и политической преступности в современном мире показывает сугубую актуальность изучения фигуры Нечаева, чьи революционные, террористические, безнравственные идеи произвели резонанс в обществе, и ни просто не забыты, но даже продолжают распространяться в наши дни

Основным произведением, в котором Нечаев отразил все свои взгляды по поводу государства, власти и управления был знаменитый «Катехизис революционера» написанный под влиянием идей Бакунина, Ткачева, идеологии тайного общества «Организация», кружка «Ад», а также романа Чернышевского «Что делать?».

Прежде чем приступать к анализу политико-правовых идей «Катехизиса революционера», следует пояснить этимологическое значение слова «катехизис». Катехизис (от греческого *katēchēsis* – поучение), 1) религиозная книга; изложение христианского вероучения в форме вопросов и ответов. 2) Изложение основ какого-либо учения в форме вопросов и ответов. В нашем же случае речь идет о «Катехизисе революционера», как о произведении, являющемся негласным уставом революционно-террористической организации С.Г. Нечаева «Народная расправа».

Сквозной идеей «Катехизиса революционера» является допустимость любых средств во имя поставленных целей, которая роднит положения Катехизиса с требованиями устава Ордена иезуитов и идеями Макиавелли. Во имя революции, во имя свержения существующей формы правления и всего что с ней связано, по Катехизису допускалось и убийство, и ложь, и предательство.

В своем Катехизисе Нечаев выступает против государственности как таковой и против всех государственных порядков и законов. В § 23 Катехизиса сказано: «Спасительной для народа может быть только та революция, которая уничтожит в корне всякую государственность и истребит все государственные традиции, порядки и классы в России».

Сергей Геннадьевич предлагает уничтожить все то, что прямо или косвенно связано с государством, а именно дворянство, чиновничество, попов.

Ну и конечно же основная идея как Катехизиса, так и других работ Нечаева – это уничтожение действующей формы правления (а именно монархии) и всей царской семьи. Всю жизнь Нечаев пытался содействовать скорейшему крушению самодержавия. Он желал уничтожить тот строй, в котором он не был нужен, в котором ему не было подходящего места, того вождя, которого он для себя предназначал. Нечаев не пропускал даже самого малозначительного случая, пользовался любым обстоятельством, лишь бы они вели к сокрушению монархии, даже если они способны создать микроскопическую трещину в ее фундаменте.

Так же следует отметить незаконченность идей Нечаева. Как было сказано выше, он собирался разрушить самодержавный строй, но ничего взамен не предлагал, уничтожить действующие законы, но не создавать новые. По этому поводу в первом номере журнала «Народная расправа» от 1869 г. он пишет: «Мы считаем дело разрушения настолько громадной задачей, что отдадим ему все наши силы, и не хотим обманывать себя мечтой о том, что у нас хватит сил и умения на созидание. А потому мы берем на себя исключительно разрушение существующего общественного строя; созидать не наше дело, а других, а за ними следующих» (Нечаев, 1869).

Практически все вожди русской революции от идейного родства с Нечаевым открещивались. Слишком уж он обнажал те методы, которые они прикрытыми держали.

Не только ценил Нечаева и считал его «титаном революции», но много воспринял от Нечаева в вопросах тактики и методов борьбы с противниками, В.И. Ленин. Но Ленин прекрасно знал, как дискредитирован был Нечаев и его идеи в глазах русской революционной общественности, и он не хотел открыто брать на себя ответственность за его взгляды и за его тактические приемы, вообще за то, что связано с нечаевщиной. Но в кругу его ближайших соратников он восторгался Сергеем Геннадьевичем и проповедовал чисто нечаевские идеи. Не секрет, что Владимир Ильич зачитывался и очень часто задумывался над листовками Нечаева, над «Катехизисом революционера». Он говорил: «Совершенно забывают, что Нечаев обладал особым талантом организатора, умением всюду устанавливать особые навыки конспиративной работы, умел свои мысли облачить в такие потрясающие формулировки, которые оставались памятны на всю жизнь. Нечаев должен быть весь издан. Необходимо изучить, дознаться, что он писал, где он писал, расшифровать все его псевдонимы, собрать воедино и все напечатать» (Бонч-Бруевич, 1934).

Мало кто в России теперь знаком с «Катехизисом революционера», но в мире ему уделяется все большее внимание. В конце XX века «Катехизис революционера» в очередной раз стал мировым политическим бестселлером, переизданном на многих языках. Современные террористические организации, действующие в Америке, Африке и на Южном Востоке используют «Катехизис революционера» в качестве своей идеологии. К примеру, в 1960 г., на время забытый, Катехизис был возрожден афроамериканской революционной группировкой «Черные Пантеры».

Особое внимание личности С.Г. Нечаева и тексту «Катехизиса революционера» уделил английский историк Питер Маршалл в своей книге «История анархизма». Он назвал нечаевский Катехизис «одним из самых омерзительных документов в истории терроризма». По мнению Маршалла явная аморальность Нечаева происходит из здравого понимания того,

что как церковь, так и государство абсолютно аморальны в желании приобрести абсолютный контроль над властью. Поэтому в борьбе против подобных сил все средства хороши. Также автор отметил, что, не смотря на то, что на первый взгляд слова Нечаева могут показаться отталкивающими и несущими явную угрозу, в них есть то глубокое значение способное вдохновлять людей на революционную борьбу (Marshall,2006).

Однажды, «Катехизис революционера» уже вызвал аллергию у русской интеллигенции. Наша задача открыть глаза сегодняшней молодежи, показать ей всю отвратительность проповедей Сергея Геннадьевича, чтобы не допустить новой волны «нечаевщины».

Литература

1. Бонч-Бруевич В.Д. (1934) В.И. Ленин о художественной литературе// Тридцать дней. № 1.
2. Лурье Ф.М. (2001) Нечаев: Созидатель разрушения. М.: Молодая гвардия.
3. Нечаев С.Г. (1869) Начало революции// Народная расправа. № 1.
4. Marshall P. (2006) Demanding the Impossible: A History of Anarchism. London: Harpercollins.